

УДК 28; 130.2

ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Я.А. Лонский

ФГБОУ ВО Российский университет транспорта (МИИТ), г. Москва

Целью работы является рассмотрение государственно-церковных отношений после Октябрьской социалистической революции в России и установления большевистской власти в стране. На основе анализа корпуса трудов по выбранной теме показано отношение большевистской власти к институту церкви и священнослужителям в первые годы после Октябрьской революции. По итогам исследования автором сделан вывод о том, что конфликт между советской властью и Русской Православной Церковью в первые годы советской власти принимал формы, превосходящие по масштабам обычное в мировой политике подавление оппозиции, и носил характер узаконенного террора.

Ключевые слова: *синодальный период, революция, террор, секуляризация, большевизм, государственно-церковные отношения, атеизм.*

На протяжении долгих столетий – с начала принятия христианства до Октябрьской революции 1917 г. – отношения, сложившиеся между Российским государством и церковью, представляли собой гармонично выстроенную систему, модель-симфонию, образец сплоченности, взаимного дополнения и согласия. Российская государственность, власть русского монарха были освящены церковью, находясь в духовном лоне православия, которое исторически являлось связующим цивилизационно-культурным звеном между церковью и государством. На протяжении столетий институт церкви оказывал существенное влияние на общественно-политическую и культурную жизнь страны, являясь одновременно и духовным окормителем, и крупным землевладельцем. На определенном этапе возросший авторитет церкви вошел в диссонанс с интересами светских властей, и поэтому, после смерти патриарха Андриана, Пётр I упразднил патриаршество, учредив Священный Синод, напрямую подчиняемый императору, что, в свою очередь, ускорило секуляризационные процессы. В истории России это был один из сильнейших ударов, нанесённых церкви государственной властью, вплоть до прихода к власти большевиков. Так, в течение более чем двухсот лет институт церкви был практически обезглавлен и превращен в чиновничью организацию, управляемую обер-прокурором – светским чиновником, назначавшимся напрямую монархом и подчинявшимся ему.

Синодальный период в истории Русской Православной Церкви весьма неоднозначен. С одной стороны, церковные реформы Петра I поставили церковь с состоянии крайней зависимости от государства. С

другой – именно в этот период Русская церковь в богословском и образовательном плане достигла высот, которых она не смогла достигнуть ни в предыдущие эпохи, ни, тем более, в последующие. Однако к началу XX столетия стало очевидным, что синодальная система исчерпала себя, стала серьезной помехой в церковной жизни. 16 января 1905 г. Николай II подписывает указ об организации предсоборного присутствия, целью которого становилось обстоятельное рассмотрение всех сторон канонического, бытового, богословского бытия Русской Православной Церкви (далее – РПЦ).

Важно иметь в виду и тот факт, что созыв Собора произошёл только через несколько месяцев после отречения Николая II от престола. За несколько дней до отречения императора обер-прокурор Н.П. Раев обратился к Святейшему синоду с просьбой разработать воззвание к народу с целью сохранения и поддержки разрушавшейся монархии, однако церковь ответила отказом [5, с. 25]. Такая индифферентная позиция по отношению к монаршей власти, весьма благожелательно настроенной по отношению к церкви, уже через считанные месяцы отзовется самым драматичным образом в судьбе самой церкви. Указанную позицию церковных иерархов можно объяснить их длительным подчинённым положением по отношению к светской власти, закреплённым государственными актами как в Петровскую эпоху, так и в последующие столетия. Так, император Николай II своим указом «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. [8, с. 207] поставил церковь в беспрецедентное положение, заставившее её переосмыслить свои отношения с государством и обществом. Этот указ фактически нивелировал привилегированное положение православного вероисповедания, отменял преследования за переход из православия в иные христианские конфессии, допуская в некоторых случаях переход в нехристианские верования.

События февраля 1917 г. поставили РПЦ в совершенно новое, необычное для неё положение. Впервые со времен Петра I церковь освобождалась от подчинения государству, что подвигало руководство Русской Православной Церкви признать Февральскую революцию. 9 марта 1917 г. Святейший синод призвал верующих «довериться Временному правительству, чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни» [4, с. 25].

Через три дня после Октябрьской революции (28 октября 1917 г.) Собор принял решение о восстановлении в Русской Православной Церкви патриаршества, упразднённого в 1703 г., и 5 ноября 1917 г. на патриарший престол был избран митрополит Тихон (Белавин). В это время новая власть начинает активную деятельность по борьбе уже с самим институтом церкви. Так, 23 января 1918 г. был принят декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Декрет не

ограничился запретом на преподавание «Закона Божьего» в школах, но, что важнее, лишил церковь права на собственность, национализируя всё церковное имущество. Неудивительно, что многие представители духовенства восприняли этот декрет как начало гонений на церковь. Таким образом, церковь, в свое время не предприняв попыток спасти угасающую монархию, лишилась в ее лице фундамента и оплота своего стабильного существования.

Установление большевистской власти в стране сопровождалось борьбой с духовным наследием, созидавшимся многими поколениями в течение веков. Новая власть пыталась заполнить образовавшийся духовный вакуум упрощенной материалистической идеологией, активно используя методы пропаганды, а зачастую – и насилия. В результате страна получила новую форму веры – атеизм – как опору новой идеологической системы большевиков. И, напротив, вера, в ее традиционном религиозном контексте, формировавшаяся в течение многих столетий как церковью, так и монархией, несмотря на провозглашаемую свободу совести, ушла в разряд преследуемых мировоззренческих позиций. Как и в случае с монархией, большевики пытались покончить с церковью, используя в своей деятельности жесткие методы.

С необходимостью возникает вопрос: почему большевики, придя к власти, сразу же активно включились в борьбу с церковью, уничтожая храмы и монастыри, расстреливая священнослужителей, национализируя культурные религиозные ценности? Очевидно потому, что после свержения монархии институт церкви воспринимался большевиками в качестве правопреемника и хранителя вековых нравственных идеалов и устоев монархии; в качестве структуры, которая могла укрепить национальное самосознание православных христиан, повлиять на духовно-психологическое единство российского общества, направить его на борьбу с установившейся революционной властью. Ведь на тот момент именно Русская Православная Церковь являлась хранительницей многовековой созидательной духовной традиции, национальной идентичности, одновременно внося весомый вклад в сокровищницу мировой культуры, науки, искусства, выступая защитницей системы традиционных ценностей. Огромное влияние церковь оказывала и на образование, которое являлось (да и является сейчас) важнейшим институтом трансляции культурных ценностей, норм, социальных идеалов.

На Поместном Соборе 2 декабря 1917 г. церковь, пытаясь юридически определить свой статус, приняла документ «О правовом положении Православной Российской Церкви», в котором говорится, что по причинам историко-социального и богословского характера православие должно занимать первенствующее положение по отношению к другим религиям. Вот одно из ключевых положений документа: «Православная Российская Церковь, составляя часть единой Вселенской Христовой Церкви, занимает в Российском государстве первенствующее

среди других исповеданий публично-правовое положение, подобающее ей как величайшей святыне огромного большинства населения и как великой исторической силе, созидавшей Российское государство» [5, с. 208–209]. Далее говорится о том, что «все светские законы, касающиеся Русской Православной Церкви, принимались с одобрения последней; глава Российского государства, министры исповеданий и народного просвещения должны, по мнению Собора, быть православными; во всех случаях государственной жизни, в которых государство обращается к религии, преимуществом пользуется Православная Церковь» [5, с. 210]. Большевицкое правительство, видевшее в церкви своего главного политического конкурента, не могло допустить для нее таких преференций. В силу этих причин, а также в силу опасения, что церковь может стать институтом консолидации верующих в борьбе с новой властью, поддержав в гражданской войне Белое движение, большевики пытались уничтожить церковный институт как таковой.

В 1919–1920 гг. власти провели кампанию по вскрытию мощей святых угодников, что вызывало возмущение как у духовенства, так и у простых верующих. Были вскрыты мощи Александра Невского, Тихона Задонского, Сергея Радонежского, десятков других православных святых. В некоторых местах протесты верующих пришлось усмирять даже с помощью войск. Сама возможность трактовки мощей святых и почитаемых икон как политической оппозиции большевикам представляется абсурдной, тем не менее этим кощунственным актом атеистическая власть нанесла болезненный удар по морально-психологическому состоянию верующих. Глумление над духовными святынями, над чувствами верующих стало идеологической основой дискредитации православной духовно-исторической парадигмы, в рамках которой на протяжении веков формировались и Российская государственность, и русский народ.

В 1921 г. Поволжье охватил голод. Патриарх Тихон призвал международное сообщество оказать голодающим помощь, учредив Всероссийский церковный комитет помощи голодающим. Он выразил готовность пожертвовать на борьбу с голодом часть храмовых ценностей, однако государство отказалось принять помощь церкви. Созданный церковный комитет был запрещен, тем не менее 19 февраля 1922 г. патриарх Тихон разрешил жертвовать в пользу голодающих церковные ценности, не имеющие богослужебного употребления. Но уже 23 февраля ВЦИК принял решение об изъятии из храмов всех ценностей на нужды голодающих, что стало началом широкого и длительного процесса по изъятию церковных ценностей по всей стране [10, с. 14].

Против подобных изъятий в ряде мест вспыхнули протесты верующих. После некоторых из них (15 марта серьезные волнения произошли в Шуе) В.И. Ленин направил членам Политбюро секретное письмо, в котором он рекомендовал провести изъятие церковных цен-

ностей и расстрелять как можно больше реакционного духовенства [9, с. 39]. Именно так, путём расстрелов, террора по отношению к духовенству вождь мирового пролетариата решил участь института церкви и религии в стране победившего социализма.

По всей стране в 1922–1923 гг. прокатилась волна арестов и судов над духовенством и верующими. Аресты проводились как за утаивание церковных и богослужебных ценностей, так и за протесты против подобных изъятий. По мнению историка церкви В. Цыпина, около десяти тысяч представителей православного духовенства оказались в числе жертв гражданской войны [11, с. 401].

Становится очевидным, что первоочередной задачей большевиков было уничтожение именно национальной церкви как духовного оплота православной нации. Неуклонно растущий авторитет Патриарха и церкви заставил большевиков попытаться уничтожить церковь изнутри: последовали арест Патриарха, ликвидация Святейшего синода ВЦС и, в конце концов, «обновленческий раскол».

Уже в конце мая 1922 г. обновленцы сформировали своё Высшее Церковное Управление и публично заявили о созыве нового Поместного Собора. Впрочем, Собор состоялся только через год, поскольку нестабильная ситуация внутри церкви, приведшая к углублению раскола, вполне устраивала большевиков. Церковь, «управляемая» и политически лояльная новому режиму, рассматривалась как переходный вариант на пути к ее полной ликвидации, поэтому усиление борьбы между обновленцами и сторонниками Патриарха было на руку большевикам. Идейной вершиной обновленческого движения стал Второй Поместный Собор, состоявшийся в Москве 29 апреля 1923 г. Собор высказался «в поддержку социалистического общественного строя, осудил контрреволюционное духовенство» [10, с. 71]. Однако в большей степени верующую общественность возмутило решение о низвержении Тихона как из сана Патриарха, так и из монашества, а также дальнейшая ликвидация института патриаршества в России как прототипа монархии. Эти постановления были с негодованием восприняты большинством верующих. Соборная делегация, прибывшая к Тихону, находящемуся под арестом, передала ему приговор, однако Патриарх не признал решения Собора, узаконившего равнозначность женатых и безбрачных священников, а после некоторых колебаний и второбрачие клириков. Кроме того, Собором был введен новый григорианский календарь, монастыри же подвергались закрытию, превращаясь в трудовые коммуны и церковные приходы. При поддержке властей обновленцы в течение года смогли взять под своё крыло большую часть приходов страны. Но после того как Патриарх Тихон был освобожден из-под стражи, обновленческое движение сошло на нет: священники стали покидать обновленческую церковь и переходить на сторону Первосвященителя. Таким

образом, создание «карманной» обновленческой церкви, подотчётной большевистской власти, потерпело фиаско.

Хотелось бы отметить и позицию Патриарха Тихона по отношению к советской власти. Известно, что во время гражданской войны последователи православия проживали на обширных территориях, которые контролировались как Белым движением, так и Красной армией. Понимая всю сложность ситуации, Патриарх Тихон придерживался позиции невмешательства, пытаясь избежать открытой поддержки одной из сторон и не допуская вовлеченности церкви в братоубийственную войну, и, несмотря на удачные военные действия армий генерала Деникина и адмирала Колчака, он был последователен в своей позиции. В дальнейшем традиция поиска компромиссов с советской властью, начало которой было положено на Соборе 1917–1918 гг., стала укрепляться, даже несмотря на энергичные протесты против декрета «Об отделении церкви от государства» и призывы к верующим о защите православной веры и церкви. Первые два года патриаршества, когда Тихон обличал большевистскую власть, сменились периодом аполитичности. Так, в послании от 19 января 1918 г. Патриарх Тихон анафемствовал творивших беззакония большевиков; от 5 марта 1918 г. он осудил Брестский мир, считая этот акт источником ещё большей междоусобицы. Однако уже 6 декабря 1918 г. Патриарх написал в Совнарком послание о том, что никаких действий против советской власти он не предпринимал и предпринимать не собирается и, несмотря на то, что не сочувствует многим мероприятиям правительства, понимает, что судить земные власти – не в его компетенции. 20 сентября 1919 г. Тихон призвал православный клир и мирян к невмешательству в политическую борьбу [2, с. 82–165]. Такой линии гражданской лояльности придерживалось и руководство Московской Патриархии в более поздние периоды.

Послереволюционные события подвигли Сербского патриарха Димитрия провести заседание Общецерковного заграничного собрания, позже получившего название Русского Всезаграничного Церковного Собора. Так, 21 ноября 1921 г. в Сремских Карловцах открылся так называемый Карловацкий Собор [2, с. 181], возглавивший церковную жизнь всего русского зарубежья и учредивший Высшее церковное управление. Он позиционировался как своего рода оплот русского самодержавия за рубежом, имея колоссальный авторитет и силы, способные низвергнуть только что зародившийся большевизм в России. Достаточно вспомнить обращение «карловчан» к сынам Русской церкви, призывавших восстановить монархический строй в России путем свержения большевистской власти. Однако Патриарх Тихон отказался признать за Карловацким Собором каноническое значение, осознавая всю трагичность новой братоубийственной войны для его Родины. Тихон предпринял важнейшие шаги по нормализации отношений с государством. В посланиях Патриарха провозглашается: «Российская Правос-

славная Церковь... должна быть и будет Единой Соборной Апостольской Церковью, и всякие попытки, с чьей бы стороны они ни исходили, ввергнуть Церковь в политическую борьбу должны быть отвергнуты и осуждены» (из Воззвания от 1 июля 1923г.) [11, с. 401].

Тема насилия, террора, гонений на церковь и священнослужителей, интеллигенцию, а зачастую на рабочий класс и крестьянство, нашла своё отражение в работах очевидцев и участников революционных событий и гражданской войны – С.П. Мельгунова и И.З. Штейнберга. В своей книге «Красный террор в России», которую С.П. Мельгунов опубликовал по горячим следам гражданской войны в 1924 г., русский историк, усматривая сущность террора именно как принципиального явления системы, а не как некоего абстрактного акта насилия, писал: «...моральный ужас террора, его разлагающее влияние на человеческую психику в конце концов не в отдельных убийствах, и даже не в количестве их, а именно в системе» [6, с. 154]. С.П. Мельгунов говорит о циничности казней, разнузданности палачей, ущемлении буржуазии, анонимных убийствах, в массовом порядке происходивших задолго до 1937 г., оставивших кровавый след в русской истории. А народный комиссар РСФСР (1917–1918 гг.) И.З. Штейнберг в эмиграции опубликовал книгу «Нравственный лик революции» (1923), в которой описывал ужасающие события гражданской войны, носившей характер террора: «Террор – это убийство, пролитие крови, смертная казнь. Но террор не только смертная казнь, которая ярче всего потрясает мысль и воображение современника... Формы террора бесчисленны и разнообразны, как бесчисленны и разнообразны в своих проявлениях гнёт и издевательство... Террор – это смертная казнь везде, во всем, во всех его закоулках...» [12, с. 32].

Подводя итог, необходимо отметить, что весь советский период Русская Православная Церковь провела в непрестанной борьбе за своё существование. Государство напористо вытесняло религию не только из общественной, но и из частной жизни, ставя под вопрос саму возможность свободы совести. Впрочем, попытки государства сломить РПЦ, вытравив из сознания народа (прежде всего из культурной и исторической традиции) веру, не увенчались успехом. Церковь выстояла и вступила в новую для себя фазу развития. Конфликт между советской властью и Русской Православной Церковью в первые годы Советской власти принимал формы, превосходящие по масштабам обычное в мировой политике подавление оппозиции, и напоминал скорее религиозный конфликт, подобный борьбе Римской империи с первыми христианами или Первой республики во Франции с католической церковью. Вызов со стороны государственного атеистического террора по отношению к церкви являлся серьезнейшим событием XX в., последствия которого можно наблюдать и в наше время. Понадобятся долгие десятилетия,

чтобы восстановить духовно-нравственные ориентиры как единственно возможный вектор развития и института государственной власти, и общества в целом [1; 3].

Список литературы

1. Абросимова Т.Я., Бондарева Я.В. Постнеклассическая парадигма и духовно-нравственные основания модернизации образования в России // Современное дополнительное профессиональное образование в России. М.: Изд-во ЦРГОПиИТ. 2015. Т. 1, № 4 (4). С. 16–26.
2. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. М.Е. Губонин. М., 1994. 1064 с.
3. Бондарева Я.В., Молчан Э.М. Духовно-нравственные ценности как вектор развития социальных систем // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Философские науки. 2019. № 1. С. 43–51.
4. Деникин А.И. Крушение власти и армии: февраль-сентябрь 1917 г. М.; Бер-лин: Директ-Медиа, 2016. 577 с.
5. Иакинф Дестивель свящ. Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности. М.: Крутицкое подворье, 2008. 307 с.
6. Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918–1923. М.: РУССО, 1990. 208 с.
7. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
8. Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви (1917–1945). М.: Крутицкое подворье, 1996. 632 с.
9. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Герд Штриккер. М., 1995. Кн. 1, 2. 400 с.
10. Следственное дело Патриарха Тихона: сб. док. по материалам Центрального архива ФСБ РФ / отв. сост. Н.А. Кривова. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 1016 с.
11. Цыпин В., протоирей. История Русской Православной Церкви. М.: Изд-во Учебного комитета РПЦ, 2004. 958 с.
12. Штейнберг И.З. Нравственный лик революции. М.: Кучково поле, 2017. 416 с.

RELATIONS OF THE STATE AND THE CHURCH DURING THE FORMATION OF THE SOVIET SYSTEM

Y.A. Lonskiy

Russian University of Transport (МИИТ), Moscow

The aim of this work is the study of state-church relations after the revolution in Russia and the establishment of Bolshevik power in the country. Based on the analysis of the scholarly works on this issue, the attitude of the Bolshevik authorities to the Church and clergy in the first years after the October Revolution is examined. Finally, the author comes to the conclusion that the conflict between the Soviet government and the Russian Orthodox Church in the early years of Soviet power took shape that was different from the common forms of dealing with the opposition in the world politics and had the character of legalized terror.

Keywords: *synodal period, revolution, terror, secularization, Bolshevism, state-church relations, atheism.*

Об авторе:

ЛОНСКИЙ Ярослав Александрович – старший преподаватель кафедры философии, социологии и истории ФГБОУ ВО «Российский университет транспорта (МИИТ)», г. Москва. E-mail: Ya_Lonskiy@mail.ru

Author information:

LONSKIY Yaroslav Aleksandrovich – Senior lecturer of the Department of Philosophy, Sociology and History of the Russian University of Transport (МИИТ), Moscow. E-mail: Ya_Lonskiy@mail.ru